продолжительные споры. Даже не углубляясь в догматическое существо споров, можно представить себе, как темпераментно Аввакум состязался в красноречии со своим земляком архиепископом Иларионом, царским духовником Лукьяном, Епифанием Славинецким, Симеоном Полоцким...

С Симеоном, «Семенкой-чернецом», Аввакум познакомился на приеме у царя тотчас по приезде из Сибири. «Видев он ко мне царевы приятные слова, — писал Аввакум, — прискочил ко мне и лизал меня. И я ему сказал:

— Откуда ты, батюшка?

Он же ответил:

— Я, отеченька, из Киева.

Я вижу, похож он на римлянина (католика. — *Д. Ж.*). У Федора Ртищева с ним в палате считалися...»

«Счеты» они с Симеоном сводили до полного изнеможения и расходились «как пьяные»

40

Однажды Аввакум пришел на свой двор от Ртищева «зело печален, так как в дому у него шумел много о вере и законе». И застал у себя непорядок — Настасья Марковна побранилась с вдовой Фетиньей, жившей в семье Аввакума. Еще не остывший от споров, он сгоряча побил обеих. «Да и всегда такой я, окаянный, сердит, драться лихой».

А в то время в избе у Аввакума жил, прикованный к стене, буйнопомешанный Филипп. На Руси к помешанным отношение было боязливо-почтительное. Считалось, что в буйных вселялись бесы, и лечили их не врачи, а священники и монахи. Таких «бешеных» в «Житии» у Аввакума можно насчитать с десяток. Он держал их на цепи и пользовал молитвой и уговорами. Ухаживал за Филиппом юродивый Федор, которого Аввакум вывез из Великого Устюга.

Юродивые, «блаженные» отказывались от мирских благ, но жили в миру, отличаясь истовостью веры и бук-

вальным соблюдением евангельских заповедей. Их нечувствительность к холоду и голоду, обостренная прозорливость и другие способности, несвойственные обыкновенным людям, производили впечатление чуда. Юродивые почитались и в народе и во дворцах. Пользуясь народным покровительством, они бесстрашно говорили с царями и боярами. Аввакум умел так привязывать к себе «блаженных», что они становились самыми яростными защитниками его дела, шли за него на костер и на виселицу. Такая судьба ждала и Афанасия, жившего в доме у Морозовой, и Киприана, и Федора, переписывавшего те места из книг, которые подбирал Аввакум для своей полемики с никонианами.

Возвратимся на первое, как говаривал Аввакум. «Бешаной» Филипп, встревоженный ссорой протопопа с домашними, пришел в неистовство, рвал цепь и дико кричал. Женщины и дети перепугались. Аввакум, которого уже охватило раскаяние за то, что он «оскорбил гораздо» Настасью Марковну, пошел укрощать помешанного. Обычно протопоп легко справлялся с ним, но на этот раз, угнетенный сознанием вины, он даже не стал бороться с Филиппом, когда тот принялся бить и терзать его, приговаривая:

— Попал ты мне в руки! Не боюсь я тебя!

Наконец Филипп отбросил Аввакума. Полежав немного, протопоп «с совестью собрался», нашел жену и поклонился ей в ноги.

— Настасья Марковна, прости меня, грешного! — со слезами на глазах просил Аввакум. И Настасья Марковна, тоже поклонившись, простила мужа. Просил прощенья он и у Фетиньи.

Однако совесть его все была неспокойна. **Русский человек, если он в ладу с собственной совестью, необорим. Он может быть и жестоким во имя дела, к которому прикипел душой. Но стоит ему почувствовать вину, душевный разлад, как угрызения совести начинают опустошать его, заставляют искать наказания и даже гибели.**

Несмотря на прощение, Аввакум чувствовал себя несчастным. Совесть его успокоилась только тогда, когда он лег посреди горницы и заставил всякого — жену, детей, человек с двадцать — стегать его плетью «по окаянной спине». И когда каждый со слезами отпускал ему по пять ударов, Аввакум приговаривал:

— А кто бить меня не станет, тот не получит со мною места в царствии небесном!

За себя был совершенно уверен. И с этой верой в свое избранничество он снова писал, говорил, сплачивал своих сторонников, вербовал новых... Трудно даже перечислить все то, что написал и сделал Аввакум за свое короткое пребывание в Москве в 1664 году.

И надо сказать, что никто не стеснял его свободы. В церкви было шатание, а царь пока предпочитал действовать уговорами. О широте этой свободы говорит хотя бы то, что многочисленные приверженцы старых обрядов созывали свои соборы. Так, среди участников одного из соборов мы встречаем и знакомые нам имена Аввакума, Спиридона Потемкина, попа Лазаря, вернувшегося из Тобольска, юродивого Афанасия, ставшего иноком Авраамием... Это был уже настоящий раскол. И рассуждали-то они о том, следует ли перекрещивать переходящих от никониан в старую веру.

Вскоре церковные власти явственно ощутили, что Аввакум «своим учением прихожан отлучил многих». Церкви стали пустовать. По отношению к попам многие вели себя дерзко. Сторож Благовещенского собора Андрей Самойлов, например, «называл митрополита и архиепископов проклятыми и бранил их матерны».

Долго так продолжаться не могло.

Церковные власти, «как козлы, пырскать стали» на Аввакума, а потом лопнуло терпение и самого царя Алексея Михайловича. У царя уже была договоренность с восточными патриархами о лишении Никона патриаршьего сана. Кому быть новым патриархом? Аввакум не мог оставать-

ся в стороне от столь важного дела. И он составил челобитную, которая до нас не дошла. Как некогда Стефан Вонифатьев с ревнителями благочестия рекомендовали через царя патриарху Иосифу «кто в какие владыки годятся», так и теперь Аввакум перечислил людей, способных, по его мнению, занять патриарший престол. Что это были за люди, можно судить хотя бы по предложенному протопопом Никанору, будущему руководителю Соловецкого восстания.

Увы, времена царского послушания ушли вместе с его молодостью. Да и получить аудиенцию было нелегко. В своей первой челобитной Аввакум просил царя «наедине светоносное лицо твое зрети», но мы знаем только о том, что Алексей Михайлович принимал его вместе с другими, и о разговоре с глазу на глаз нет нигде и намека.

Аввакум всегда и всюду старался подчеркнуть непринужденность своих отношений с царем, в письмах называл его просто Михайловичем, а тут он сказался занемогшим и послал с челобитной к царю своего верного юродивого Федора.

Юродивый не стал раздумывать и ринулся к проезжавшему в карете царю напролом, расталкивая стражу. Царь протянул было руку, но в тесноте людской не достал письма. Стрельцы схватили Федора и посадили его в караульное помещение, что было под Красным крыльцом царского дворца. Обнаруженное при нем письмо все-таки попало к царю.

Федора отпустили, но вскоре он подошел к царю в церкви и «учал юродством шаловать», то есть кликушествовать, выкрикивая обвинения, которые слышал от Аввакума. Алексей Михайлович просто отослал Федора домой, но тот сказал Аввакуму, будто его зовет царь. Аввакум пришел и поклонился, царь тоже ему поклонился. Наступило неловкое молчанье. «Да так и разошлись; с тех мест и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал...» А юродивого царь велел отослать в Чудов монастырь, где его заковали в цепи...

Челобитная была подана 22 августа, и, видно, в ней Аввакум «наворчал» столько, что царь уже не мог стерпеть... Впрочем, именно в этот день архимандрит Чудова монастыря Павел был поставлен митрополитом сарским и подонским, а так как его резиденция была в Крутицком подворье, то, по традиции, он назывался крутицким митрополитом. Павел был знатоком польского и латинского языков и ярым приверженцем реформы. Жестокого и решительного, его не раз назначали местоблюстителем патриаршьего престола. Именно ему поручили готовить собор и осуждение Никона. Это могло означать только одно — царь решил покончить с шатаниями, и можно представить себе, какое впечатление на него произвело «моленейцо» Аввакума о смене иерархов.

Уже через неделю, 29 августа, Аввакума с семьей сослали на дальний Север, в заполярный город Пустозерск. Ехало всего двенадцать человек, а провожал их известный своей дерзостью сторож Благовещенского собора Андрей Самойлов. По дороге разболелись малые дети Аввакума, и с разрешения двинского воеводы князя Щербатова семья больше месяца прожила в Холмогорах. Недели с четыре пробыл у них и Самойлов. Вероятно, с ним Аввакум отправил царю письмо. Приближалась студеная пора, и он боялся, как бы нездоровые ребятишки не перемерли во время трудного пути, который предстояло проделать на оленях. Да и Настасья Марковна опять была на сносях.

Аввакум напомнил Алексею Михайловичу о прошлых своих мучениях, о том, что у него в Даурии умерло два малолетних сына, и просил оставить его в Холмогорах.

Это письмо 21 ноября отдал царю в Москве юродивый Киприан, один из духовных сыновей Аввакума.

Хлопотал за него и Неронов. Дьякон Федор тоже подал челобитную об освобождении Аввакума царскому духовнику Лукьяну, а тот бумагу «в глаза бросил с яростию великою»...

Дьякона Федора арестовали. А следом суздальского попа Никиту Пустосвята и других. И всех выслали на Север. После чистки Москвы пришла очередь для карательных экспедиций в северные и восточные провинции государства. Полковник Лопухин схватил «лесных старцев». Воспитанника Сорбонны Вавилу сожгли. Лопухин прочесал Керженец и Среднее Поволжье. Севернее действовал полковник Артамон Матвеев...

41

Аввакум с семьей добрались только до Мезени да там и остались. Это было в декабре 1664 года. Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановицкий не мог отправить их дальше, в Пустозерский острог, так как местные крестьяне учинили бунт и отказались везти ссыльных и стражников.

В январе 1665 года Аввакум писал царю: «А корму мне твоего, государева, из казны не идет, терплю всякую нужду... Не вели нас, двенатцети человек, поморить безгодною смертию с голоду и без одежды, и вели, государь, нам из своей государевой казны давать корм по своему государеву разсмотрению, хотя по алтыну в день на человека, чем бы нам в сих безхлебных странах быть сытым».

О разрешении тратить казенные средства на прокорм семьи Аввакума просил и Цехановицкий.

И хоть писал протопоп жалостные письма, в правоте своей у него сомнений не было. По пути во всех городах он произносил проповеди, «пестрообразных зверей обличал».

Аввакум поселился в большой слободе, что была основана в устье реки Мезени в середине XVI века новгородским боярином Окладниковым и славилась своими крещенскими ярмарками. Правда, ко времени ссылки Аввакума торговля на Мезени стала хиреть, поскольку царь, заботясь о развитии Архангельска, запретил иностранным кораблям «приставать и торговать с немцы русским людем

никому не давати, а велеть итти кораблем к Архангельску городу к корабельной пристани...».

На Мезени Аввакум обзавелся избой, промышлял рыбу и служил в церкви. По преданию, сохранившемуся в тех краях, голос у него был настолько мощный, что слова, произнесенные им во время обедни, долетали до другого конца слободы.

Настасья Марковна родила ему здесь еще одного сына — Афанасия.

Сидя у самого Белого моря, Аввакум не порывал связи с Москвой ни на месяц. В посылаемых с гонцами или оказией письмах москвичи пеняли Аввакуму на его неосторожное поведение в Москве, повлекшее за собой разгром сплотившихся было противников церковной реформы. Он и сам признавал, что оказался негибким политиком, что «гной расшевелил и еретиков раздразнил», но молчать отказывался — «если нам умолчать, то камни возопят».

В Окладниковой слободе Аввакум стал свидетелем и действующим лицом драмы, которая теперь кажется совершенно дикой. Но для суеверного люда XVII века она была характерна и потому подробно описана в «Житии».

Аввакум часто бывал гостем местного воеводы Алексея Цехановицкого. Ясновельможного пана и доброго католика превратности войны привели в Москву и заставили принять православие. Но пан втайне проклинал «схизматиков» и держался римско-католической веры. А жена его Ядвига, ставшая на Руси Евдокией, прониклась православным духом. «Грамоте умела, панья разумная была, проклинала зело усердно римскую веру», — вспоминал Аввакум, не оставлявший заботами свою новую духовную дочь.

Навсегда запомнились Аввакуму последние дни этой несчастной полячки. Обрушилась на нее послеродовая горячка, металась пани Цехановицкая в бреду и, едва придя в себя, решила исповедаться Аввакуму:

— Все из-за мужа, батюшко, наказует меня бог, — говорила она. — Втайне он держит римскую веру... Слава Христу, что избавил меня от нее... Русская вера как солнце сияет против всех вер... Но и вы грешите, разделяясь. Худы затеи новые и мрачны зело: умри ты, за что стоишь, и меня научи, как умереть... Причасти меня... Сказали мне — ныне или завтра умру... Помилуй, батенько, миленький мой!..

Она села на постели и, рыдая и дрожа, ухватилась за Аввакума. Он уложил ее в постель. Разум ее снова помутился. Евдокия показывала рукой куда-то в угол и кричала:

— Отченько мой, вот черти пришли... взять меня хотят!..

Протопоп усиленно кадил и брызгал кругом водой.

В руках у больной оказался крючок из согнутой булавки. Она кричала, что этим крючком вынула свою душу и отдала ее чертям. Бред ее Аввакум принимал всерьез, но на всякий случай справился у служанок, не они ли дали булавку безумной.

Воевода Цехановицкий сделал попытку спасти не душу, а тело жены. Как только Аввакум ушел, он дал ей напиток, приготовленный каким-то местным знахарем, — пиво, сваренное с целебными кореньями. Но у нее снова начался припадок. Аввакум, которому сообщили об этом, прибежал и стал бранить пана. Они поругались, и протопоп, забрав Настасью Марковну, сидевшую у постели больной, покинул дом воеводы.

На другой день Цехановицкий прислал за Аввакумом, Евдокия в безумии своем в кровь избилась об пол и стены.

— Из-за мужа меня мучат бесы, из-за веры его! Не муж он мне! — кричала она.

Пан Цехановицкий сгоряча ударил ее по щеке и тотчас устыдился своего поступка. Аввакум велел ему выйти из избы, а потом причастил больную. Измученная женщина затихла, вздохнула и скончалась.

Аввакум похоронил ее не у церкви в Окладниковой слободе, где жили Цехановицкие и Петровы, а на берегу Ме-

зени. Здесь в дни короткого северного лета, под незаходящим полярным солнцем некогда любила сидеть пани Цехановицкая. В туманной дали за широкой неспокойной черной водой чудились ей иная жизнь и теплые края...

Полтора года прожил Аввакум на Мезени. И если до ссылки он действовал, а власти нерешительно наблюдали за ним, то теперь в Москве времени не теряли...

42

В тот год, когда Аввакума снова отправили в ссылку, в ночь с 17 на 18 декабря к московской заставе подъехал санный поезд.

— Кто едет? — закричали сторожа.

— Власти Савина монастыря.

Поезд направился к Кремлю, а там и к Успенскому собору.

Служили заутреню. Вдруг загремели и растворились двери. Вошла толпа монахов, за ними внесли крест, а за крестом явился патриарх Никон и стал на патриаршем месте. Раздался знакомый повелительный голос, которого давно было не слыхать в Успенском соборе.

— Перестаньте читать!

Монахи Воскресенского монастыря, приехавшие с Никоном, запели по-гречески «Исполаэти деспота», славя владыку. Патриарх подозвал под благословение ростовского митрополита Иону.

— Поди, — сказал он, — возвести великому государю о моем приходе.

«Немедленно забегали огни во дворце, — подробно описывал это событие историк С. М. Соловьев, — отправились посланцы за архиереями и комнатными боярами; шум, смятение, точно пришла весть, что татары или поляки под Москвою; архиереи, бояре перемешались, все спешило вверх по лестнице... Царь, в сильном волнении, объявил им новость; бояре начали кричать,

архиереи, качая головами, повторяли: «Ах, господи, ах, господи!»

Очень скоро к Никону явились посланные бояре и сказали ему:

— Ты оставил патриарший престол самовольно, обещался вперед в патриархах не быть, съехал жить в монастырь, и об этом написано уже к вселенским патриархам. А теперь ты для чего в Москву приехал и в соборную церковь вошел без ведома великого государя и без совета всего освященного собора? Ступай в монастырь по-прежнему.

Не так просто было спорить с Никоном, требовавшим свидания с государем или хотя бы передачи царю письма...

И когда в третий раз пришли к нему крутицкий митрополит Павел с боярами и возвестили неизменность царской воли, то Никон покорился.

Приложившись к образам, он взял посох Петра митрополита, служивший традиционным отличием патриаршего сана, и пошел к дверям.

— Оставь посох, — сказали ему.

— Отнимите силою, — ответил Никон и вышел из собора.

Еще не кончилась эта тревожная ночь, и в предрассветном небе горела хвостатая комета. Садясь в сани, Никон отряхнул ноги и сказал евангельскими словами:

— А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших.

Стрелецкий полковник, приставленный к нему в провожатые, не замедлил ввернуть:

— А мы этот прах подметем!

— Да разметет Господь Бог вас той божественной метлой, — ответил Никон, показав на комету.

Еще не доехал Никон до Воскресенского монастыря, а заставили его таки отдать посох. На просьбу же увидеть в Москве царя ответили:

— Великий государь указал тебе сказать: из-за мирской многой молвы ехать тебе теперь в Москву непристойно, потому что в народе теперь молва многая о разности в церковной службе и печатных книгах... Так из-за всенародной молвы и смятения изволь теперь ехать назад... пока будет об этом собор в Москве, и к собору приедут вселенские патриархи и власти; в то время тебе дадут знать, чтоб и ты приезжал на собор, а на соборе великий государь станет говорить обо всем...

А прискакали к Никону верхами и вели переговоры с ним митрополит Павел крутицкий, чудовский архимандрит Иоаким, окольничий Родион Стрешнев и дьяк Алмаз Иванов — все люди новые, сильные и жестокие, царю преданные. Суровый Иоаким, бывший воин и будущий патриарх, ответил как-то царю:

— Я, государь, не знаю ни старой веры, ни новой, а готов делать все, что велят начальники, и слушать их во всем.

На военный лад строит новую церковь царь Алексей Михайлович, подбирает архиереев, что военачальников. Таков и Павел крутицкий. Никон ему сказал тогда:

— Тебя я знал в попах, а в митрополитах не знаю; кто тебя в митрополиты поставил — не ведаю...

Знал Никон, кто поставил Павла. Был у царя помощник грек Паисий Лигарид, выдававший себя за митрополита Газы. Ох, и извилистый же путь привел Лигарида в богатую Москву. Он учился в иезуитской коллегии. Перейдя в православие, ловкий мошенник добился кафедры в Газе, но продолжал вымогать жалованье у католической конгрегации Пропаганды. Александрийский патриарх Паисий проклял Лигарида и лишил кафедры. Тогда Лигарид оказался в Москве с подложными документами. Выпрашивал у царя большие деньги якобы на нужды своей епархии, спекулировал соболями и драгоценными камнями, устраивал за деньги разводы, занимался маклерством, писал доносы... Не было подлости, на ко-

торую не был бы способен этот достойный выученик иезуитов. Царь знал про все его дела и... прощал. Нужен, очень нужен был ему Паисий Лигарид и для поставления архиереев, и для подготовки собора, и для борьбы с приверженцами старины, и для борьбы с Никоном...

А ведь не кто иной, как Никон, пригрел сперва Лигарида, о котором потом писал в грамоте к вселенским патриархам, перехваченной царскими людьми: «Главный враг мой у царя — это Паисий Лигарид; царь его слушает и как пророка божия почитает...»

В России не знали, что авантюрист не имеет права поставления новых епископов, а когда узнали, то сам царь просил за него перед александрийским патриархом Паисием. Хороши были и другие восточные священнослужители, осевшие в Москве. Дьякон Мелетий, пробавлявшийся ростовщичеством. Дьякон Агафангел — виноторговец, пивовар и содержатель игорных притонов, проигравший раз все деньги и одежду и ограбивший соседа священника. Архимандрит Дионисий, которого Аввакум не без оснований обвинял в содомском грехе, чинимом даже в церкви...

Хитрые, наглые, жадные до денег люди, отвергнутые у себя на родине, все они стали ценными агентами царя Алексея Михайловича в переговорах со вселенскими патриархами и в подготовке большого собора. Попытка Никона самовольно вернуться на престол, всероссийская пропаганда Аввакума и его единомышленников заставляла торопиться царя, хотевшего опереться на решение собора и на авторитет вселенских патриархов.

Патриархи Дионисий константинопольский и Нектарий иерусалимский уклонились от поездки в Москву. Согласились Макарий антиохийский и Паисий александрийский. Они были беднее и потому покладистей.

Ехали они не через Европу, где шла война, а азиатским путем, через Астрахань. Денег на дорогу им не жалели —

одних лошадей под патриархами и их свитой было пятьсот. Мелетий Грек, провожавший владык по указу царя, был учтив до приторности, говорил о *бывшем* патриархе Никоне, но подробности таил...

43

А в Москве тем временем идет лихорадочная работа. Царь тщательно готовится, сам составляет программу собора, сам отбирает его участников. И как ни просит старец Григорий, никто из мирян и белого духовенства, ни один защитник старой традиции на собор не попадет.

Но их велено привезти из мест ссылки. Это было в феврале 1666 года. Одновременно царь вызывает поодиночке всех участников собора и предлагает им ответить письменно на три вопроса. Вот существо их:

1. Имеют ли право восточные патриархи решать дела русской православной церкви?

2. Достоверны ли печатные греческие книги?

3. Правильны ли решения собора 1654 года (когда Никон начал пересмотр книг)?

Видя грозную решительность царя, отрицательных ответов не дал никто. Правка книг, трехперстие и другие обряды признавались правильными.

Алексея Михайловича теперь не узнать. Выжидание кончилось. Действует расчетливый политик, вместе со своими расторопными помощниками заранее определивший ход событий. Никон только успевает оправдываться, исписывая горы бумаги. Исход его дела ясен, обвинение разработано подробно и убедительно. Царя больше волнует другая сторона, противники Никона. С этими спорить труднее. Надо уговорить, пригрозить... и лишь в крайнем случае вывести их на собор.

Странным кажется положение царя, как бы вынужденного защищать дело своего врага. Но царю оно странным не казалось. Дело было его, царское. И оно должно

жить независимо от того, кто сидел или будет сидеть на патриаршем престоле. Противники нововведений уже понимали это.

Многие из мятежников покаялись до собора и были разосланы в разные монастыри. Упорствовали четверо.

Первый из них, благовещенский дьякон Федор, сидел на дворе у митрополита крутицкого «Павла краснощекого». Федор приготовил для собора письменную память, в которой сличил тексты разных изданий никоновских книг. В них и то многое не сходилось. Как можно верить таким книгам? Митрополит Павел уговаривал его. Пусть Федор поймет царя. Алексей Михайлович не хочет раздора ни в церкви, ни в стране. Вот и он, Павел, не отрицает старого благочестия, но воля царя для него — закон, и он исполнит ее во что бы то ни стало.

Политические соображения митрополита не тронули Федора, и он осудил Павла решительно и дерзко:

— Надо угождать Христу, а не тленному царю!.. Хочешь быть на виду, оттого и стараешься...

На том и кончились «ласковые» увещевания. Посадили Федора на цепь.

Писал Федор о старых служебниках, что они «не с мордовских, не с черемисских и не с латинских переложены, а напечатаны в старину с греческих древних письменных, переведены в добрые времена, до взятия Царьграда и за много лет до истребления римлянами греческих книг...» Он предлагал царю перечесть повесть о Белом Клобуке и вспомнить о славе Третьего Рима.

Ему вторил Никита Добрынин Пустосвят, который тоже привез подробный разбор изданий Никона. Его книгой занялись отдельно Симеон Полоцкий и Паисий Лигарид. Никита повторял слова инока Филофея о Третьем Риме, о «великой России», а о греческих патриархах отзывался «нехорошо». На Никона он «отрыгал хулы и клеветания», как на принявшего «зловерие жидовское» от «ведомого вора... Арсения чернеца».

Подавал челобитные и поп Лазарь, готовивший свиток под названием «Роспись вкратце нововведенным церковным раздорам».

Четвертого, Аввакума, привезли в Москву 1 марта 1666 года. С ним приехали сыновья Иван и Прокопий. Настасья Марковна с меньшими детьми осталась на Мезени.

Аввакум тоже попал в Крутицы к краснощекому здоровяку митрополиту Павлу. Павлик, как его называл протопоп, не стеснял свободы Аввакума. Беспрепятственно разгуливал он по Москве. Две ночи провел в «несытных» разговорах с Феодосьей Морозовой. Они клялись друг другу «пострадать за истину».

— Смерть примем, а друг друга не выдадим...

Дни проходили в спорах с Павлом крутицким. Этот матерщинник, скорый на расправу человек, следовал указанию царя во что бы то ни стало уговорить протопопа. Терпеливо втолковывал он упрямцу, что ему следует примириться с царской волей, говорил о высшей государственной необходимости. Но доводы его не трогали Аввакума, и совсем по-иному понимал он высшую государственную необходимость. Эрудиции Павла он противопоставлял свою начитанность.

Уговаривал его и рязанский архиепископ Иларион, что некогда был попом в Лыскове, игуменом в Макарьеве и другом Аввакума. Теперь он ходил в ближних советниках царя. Обходительный, пронырливый и благообразный Иларион давно уже понял, что нужно Алексею Михайловичу, и являл собой новый тип князя церкви. Он учился у архимандрита Дионисия греческому языку и греческим нестрогим нравам. Светские замашки Илариона дали потом Аввакуму обильную пищу для мастерской сатиры. «Друг мой Иларион, епископ рязанской! Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царской породы. А ты кто? Вспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по

площади, чтобы черницы-ворухи-униатки любили...» Видно, досталось Илариону от ядовитого Аввакума в эту встречу, потому что возненавидел он протопопа лютой ненавистью.

Аввакуму первому надоели томительные пререкания. Он демонстративно явился в Успенский собор и «стал пред митрополитом Павликом».

Нигде нет внятного сообщения, о чем говорил протопоп, обрекавший себя на муку. Прошло всего пять дней вольной жизни, а потом снова отъезд. 9 марта он уже сидит на цепи в Пафнутьевом монастыре у города Боровска, в девяноста верстах от Москвы.

44

Причудливо вьется Протва среди сосновых боров там, где поселился в XV веке внук ханского баскака инок Пафнутий. Потомок татар стал хранителем заветов Сергия Радонежского, положившего все свои силы на объединение России, избавление ее от татарского ига. Одним из учеников его был знаменитый писатель и политик Иосиф Волоцкий. Монастырь быстро окреп. И в наше время поражают величием пятиглавый собор Рождества Богородицы, стены и башни монастыря, построенные, по некоторым предположениям, гениальным Федором Савельевым Конем. Богат был монастырь. Один боярин Андрей Клешнин внес сюда все свое громадное состояние. Левкий Схимник — так его назвали в монастыре — скрывался от глаз людских, замаливал тяжкий грех... В 1610 году двое воевод-изменников открыли ворота Тушинскому вору. Воевода Волконский бился до последней минуты и был зарублен у стены собора. В этом бою погибло 12 тысяч человек... И вновь история коснулась крылом Пафнутьева монастыря...

Игумен Парфений получил от митрополита Павла распоряжение сломить волю Аввакума. То его держали на це-